

ДМИТРИЙ
ВОСКОВОЙНИКОВ

В поисках утраченного будущего

Время читать! (Время)

Дмитрий Воскобойников

В поисках утраченного будущего

«WebKniga»

2015

УДК 821.161.1-3
ББК 84Р7-4

Воскобойников Д.

В поисках утраченного будущего / Д. Воскобойников —
«WebKniga», 2015 — (Время читать! (Время))

Возможно ли, чтобы так тесно переплелись судьбы русского, бразильца и англичанина? Возможно ли, чтобы у русского завязался роман с шотландской женой англичанина и при этом все они сохранили дружеские отношения? Возможно ли, что различные взгляды героев этой книги на происходящее в современном мире не препятствуют их регулярному общению, причём потребность в этом общении из года в год растёт? А решение о коллективном самоубийстве – как вам это? Совсем с ума сошли. Новая книга Дмитрия Воскобойникова читается захлёб. Но предназначена она для интеллектуалов. Последнее предложение в книге – возможно, реквием по тем, кто родился в Советском Союзе в 1960 году. А возможно – начало их новой жизни. Или переосмысление её.

УДК 821.161.1-3
ББК 84Р7-4

© Воскобойников Д., 2015
© WebKniga, 2015

Содержание

От автора	6
В поисках утраченного будущего	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дмитрий Воскобойников
В поисках утраченного будущего
*Повесть о том, как русский, бразилец
и англичанин на тот свет собрались*

© Дмитрий Воскобойников, 2015,
© Валерий Калныньш, макет и оформление, 2015,
© «Время», 2015

От автора

Реальные события и вымысел взболтаны в этой книге, как водка и мартини в фирменном коктейле Джеймса Бонда. Взболтаны, но не смешаны.

Говорят, будучи на смертном одре, Бальзак обратился к лечащему врачу со словами: «Пошлите за Бланшоном!» – вымышленным персонажем «Человеческой комедии». Я мог бы послать за всеми главными действующими лицами этой книги.

Автор растворился в трёх героях – на пятьдесят процентов в Дмитрие, на тридцать – в Жоао, на двадцать – в Стивене. Однако каждый из этих героев имеет и других прототипов. Узнают ли прототипы себя? Впрочем, неважно. Когда Чарли Чаплин забавы ради принял участие в конкурсе своих двойников, который проводился в Монте-Карло, он занял там лишь третье место.

Что же касается героинь, лучше полностью исключить существование каких-либо прототипов. Иначе несдобровать.

Многое осталось за кадром. Фантазируйте!

Книга пронизана музыкой. Чтобы услышать её исчерпывающе, надо дочитать повесть до конца.

В поисках утраченного будущего

Днём полёт птиц всегда кажется бесцельным, но к вечеру движения их становятся целенаправленными. Они летят к чему-то. Так же, может быть, с людьми, достигшими вечера жизни... Бывает ли у жизни вечер?
Альбер Камю

* * *

Неутомим рой мыслей, когда отмечаешь заведомо последний день рождения.

Дмитрий стоял на крыльце своего дачного домика и смотрел, как всё сильнее наливается солнцем густая листва яблонь и груш. Как с деловым видом, покачиваясь, бегают по участку толстые дрозды-рябинники. Как то тут, то там выпрыгивают из коротко подстриженной травы и вновь исчезают в ней лягушата (и откуда их так много в этом году?). Высоко-высоко, в ветвях старого дуба внезапно разразился отрывистой очередью большой пёстрый дятел с красной полоской на голове, впервые появившийся на даче лет пять назад. Ритмично прогрохотала невидимая электричка. Именно электричка, а не товарный поезд. Ещё в детстве Дмитрий научился безошибочно различать нюансы стука их колёс. Один за другим, низко – так, что можно было хорошо рассмотреть картинки на фюзеляжах и хвостах, – пролетели, покидая Внуковский аэропорт, самолёты.

Близость цивилизации не препятствовала ощущению радости от единения с природой в посёлке Мещерском. Их звуки гармонично накладывались здесь, на этих девяти сотках, огороженных от внешнего мира коричневым забором, друг на друга.

«Интересно, когда пойдёт дождь, а ещё лучше, если гроза», – подумал мой герой. В том, что небеса низвергнутся, он не сомневался. Дожди всегда сопровождали его день рождения. Хотя в последние годы преобладали мощные грозы, за которыми было особенно приятно наблюдать из сухой беседки.

Дмитрий обожал петрикор – запах, возникающий после дождя, когда тот оmyвает не асфальт, а именно землю. На греческом *petra* – камень, а *ichor* – сукровица, жидкость, текущая по жилам богов древнегреческой мифологии. В зависимости от обстоятельств и атмосферы петрикор может источать как энергетику жизни, так и смерть.

Но ещё больше Дмитрий любил резкий запах озона, порой предшествующий молниям и грому, и те волнительные мгновения после вспышек молний, которые опережают гром примерно на полминуты, будь гроза в десяти километрах, и совсем ненамного, если она уже обрушилась на вас. Коль скоро молнии – побочный продукт космических лучей, ожидание грома – возможно, наше максимальное приобщение к космосу...

Журналисту Дмитрию Франку, который готовился к уходу на тот свет, 13 июля 2013-го исполнилось 53 года, и он совсем не испытывал страха перед грозой с ливнем, предсказуемо застучавшим крупными каплями по беседке.

У Дмитрия была лишь одна боязнь, как следовало из перечня фобий, где-то прочитанного, – ателлофобия («страх несовершенства»), но проявлялась она до недавнего времени лишь применительно к собственноручно написанным текстам, которые он вылизывал придирчивее самых строгих редакторов. Правда, вот уже пару лет, как Франк обострённо чувствовал себя несовершенным почти во всём.

Нельзя сказать, будто он жаждал умереть. Просто череда разнообразных событий как-то сама собой подводила к этому, и теперь любой иной исход, кроме самоубийства, тем более коллективного – с друзьями, казался нелогичным, неверным.

Как там у Ходасевича?

Пора не быть, а пребывать,
Пора не бодрствовать, а спать,
Как спит зародыш крутолобый,
И мягкой вечностью опять
Обволокнуться, как утробой.

* * *

В молодости на Франка произвела очень сильное впечатление повесть Генриха Бёлля «Поезд прибывает по расписанию». В ней солдат Андреас следует на Восточный фронт, не сомневаясь, что скоро умрёт, и пытается установить, когда это произойдёт. Мысленно проезжает Краков, Пшемисль, Львов, Черновицы (так до 1944 года назывались Черновцы), Яссы, Кишинев, Никополь – и вдруг понимает, что умрёт где-то между Львовом и Черновицами. В Львове приходит осознание, что погибнет на следующий день до рассвета – без четверти шесть. Какой город находится в 40 км от Львова? Стрый.

«Я умру, не доехав до города Стрый», – говорит Андреас случайно встреченной им в Львове девушке Олине. И действительно погибает вместе с ней, когда партизаны взрывают – нет, не поезд, а легковушку, на которой парочка пытается убежать от судьбы, – возле именно этого города.

Стрый Дмитрия находился в Бразилии, где-то в самой чаще амазонских лесов, куда он прибудет в декабре.

* * *

После диагностирования у него в конце 2010 года диабета с показателями сахара 13 при заборе крови из вены натощак (норма – для несведущих – не более 6,1) Дмитрий приноровился становиться Андреасом. «Какие там 60, 70, а тем более 80 лет! Раньше всё произойдёт. Мы уже проехали Краков». Но боязнь смерти, в отличие от Андреаса, у него отсутствовала. Лекарства, снижающие уровень сахара в крови, Дмитрий отвергал, продолжал пить красное сухое вино и есть запретную еду.

Его пофигизм не был следствием бесшабашной храбрости. «Я заметил, что даже те, кто утверждают, будто всё предопределено и нам не дано ничего изменить, смотрят по сторонам перед тем, как пересечь дорогу», – заметил как-то британский физик Стивен Хокинг. Дмитрий обычно смотрел, не мчится ли на него автомобиль, но всегда игнорировал красный сигнал светофора для пешеходов на перекрестке, если машин поблизости не было. Тем же, кто недоумевал по поводу этой сомнительной «удали» и равнодушия к своему здоровью, он цитировал слова Дон Кихота, обращённые к приземлённому слуге: «Я, Санчо, рождён для того, чтобы жить, сражаясь со смертью, а ты – чтобы умирать, сражаясь за жизнь».

Несколько раз Франк воспроизводил эту цитату в разговорах с ещё одним моим героем – Стивеном Деверо, коллегой. Точнее, бывшим британским журналистом. Они познакомились давно – в конце 80-х. Стивен вовремя (до кризиса профессии в XXI веке) переквалифицировался из журналиста в предпринимателя и к «нулевым» обладал собственным не очень большим, но весьма успешным, агентством Simple Solutions («Простые решения»), занимавшимся

и консалтингом, и рекламой, и маркетингом с активным использованием разработок психологов-бихевиористов. Родился Деверо, как и Дмитрий, 13 июля 1960 года, оба были левшами с двумя макушками, и эти забавные совпадения, едва обнаружившись, каким-то иррациональным образом сразу же сблизили их, несмотря на противоположность характеров и пристрастий.

Гораздо более успешный финансово, Стивен любил рассуждать о том, что у Дмитрия чересчур развит «рептильный мозг», способный фокусироваться только на чём-то осязаемом, конкретном, а потому упускающий долговременную перспективу. «Если людям предложить полкоробки вкуснейших конфет сразу или целую коробку, но через неделю, то в большинстве случаев они предпочтут полкоробки. Но если им же предложить полкоробки через год и целую коробку через год и неделю, почти всегда будет избран второй вариант, – объяснял он. – Выделяются немногие. Те, кто обладают самоконтролем. Самоконтроль – это способность придавать будущему большее значение, чем настоящему. Большинство отдадут предпочтение настоящему, откусывают от яблока, жертвуя жизнью в Раю (простите атеисту библейскую метафору). Ты, Дмитрий, – блестящий представитель этого большинства».

Однако не Франк, а Деверо первым поддержал неожиданное предложение их общего друга – всемирно известного бразильского писателя Жоао Рапозы – покончить жизнь самоубийством, встречая 2014 год. Поддержал, язвительно воспроизведя столь любимые русским слова Дон Кихота.

* * *

13 июля 2013 года Дмитрий первым позвонил Стивену. С дачи, по мобильному. В Бате, куда приятель переехал из Лондона, был уже полдень, но по хрипловатому голосу Деверо Дмитрий понял, что у того всё ещё продолжается ночь, насыщенная, вероятно, джином с тоником или виски. Телефон доносил чрезмерно громкие звуки песни «Death On Two Legs» («Смерть на ногах») легендарной Queen. Видимо, очередной прилив ностальгии, воспоминания о музыке, которую тот слушал вместе с Анной Арбор, его путеводной звездой, исчезнувшей с небосвода летом 2011-го. С тех пор Стивен редко просыхал, и речи о самоконтроле прекратились. Но сейчас он говорил связно.

– Только что прочитал, что какой-то жёлтый плоский червь способен не просто отращать себе новые голову и шею, но и быстро восстанавливать в этой новой голове воспоминания отрезанной, – сообщил он. – Вопрос на засыпку: где у этого червя хранились воспоминания, когда он лишился головы?

Не дождавшись ответа, Стивен продолжил:

– Ладно, не грузись. Просто я вдруг представил, что вслед за червями люди также научатся отращать себе новые головы с избирательными воспоминаниями о прежней жизни. Возможно, это не за горами. Вот-вот в продаже появятся препараты, глушащие пережитый негатив. Я бы с радостью их наглотался, но что за людьми мы станем? И о какой полноценной жизни можно будет вести речь?

– Нас к тому времени уже не будет, Стивен. А потому напоследок задумайся лучше над более важным – принципиальными отличиями людей от других животных. Почему, например, мы смеёмся? Почему плачем – единственные животные, у которых при эмоциональном возбуждении выделяется влага из глаз? Почему мигаем, и чем старше, тем чаще? И, наконец, почему нам снятся вещие сны? Кстати, в минувшую ночь тебе ничего пророческого не приснилось?

Стивен вздохнул:

– В те краткие часы, когда забывался, мне, как обычно, снилась Анна. И, как всегда, она беззвучно внушала мне что-то, и, как всегда, я не мог понять что.

– А Рапоза не звонил?

– Нет.

– И мне тоже. Наверное, опять перепутал даты. Или ожидает прощальное знамение.

Для несведущих: созданию каждого нового произведения «живого классика» бразильской литературы Жоао Рапозы должно было предшествовать неординарное событие: удар птицы в окно того помещения, где писатель в данный момент находился. Скажем, перед написанием бестселлера «Слеза Магдалины» в окно номера одной из гостиниц Болоньи врезалась трясогузка, а перед рождением такого популярного романа, как «Исповедь отшельника», серая цапля столь сильно долбанула в окно плавучего домика, арендованного Рапозой в Амстердаме, что на стекле даже остались трещины.

Летом 2013-го писатель был вне себя. До самоубийства оставалось менее полугода, напрашивалось выдающееся предсмертное эссе, однако пернатые его упорно игнорировали.

* * *

Жоао дал о себе знать только 28 июля. Оказалось, он в Париже и лишний раз убедился: мир летит в тартарары.

– Ребята, – сообщил он Дмитрию и Стивену, устроив переключку по скайпу, – вчера молния трижды шарахнула по Эйфелевой башне. Такого не происходило никогда. Я был рядом и могу вас заверить, что любые птичьи послания по сравнению с увиденным мной блекнут. Это – сигнал, оповещение о том, что мы с вами приняли верное решение.

Эйфелева башня в его повествовании была развернутой метафорой. Если в конце XIX века символизировала расцвет человечества, то сейчас – закат.

– Представляете, тут заработал кооператив, именуемый «Отрада Франции» и производящий фаллоимитаторы в виде Эйфелевой башни с куполом на конце, – негодовал прозаик. – Башня «гипоаллергенная», полностью сделана во Франции и дарует «монументальные ощущения» (проверена на предоставление оргазма местной порнозвезде Жюли Вальмон). Что на очереди, друзья мои? Статуя Свободы? Всё это – на фоне того, что четверть молодёжи без работы, а по окраинам Парижа блуждают озлобленные мигранты!..

Дмитрий и Стивен слушали Рапозу, не перебивая. Его лицо на экране компьютера было непривычно землистым, копна густых вьющихся волос – красивое переплетенье седины с вороньим крылом – всклокочена, глаза смотрели куда-то вверх, а не на них.

Жоао был старше приятелей на десять лет, привык к тому, что выступает перед большими аудиториями, где каждое его слово воспринимается как истина в последней инстанции, и порой позировал даже в крайне узком кругу друзей. Дмитрий и Стивен спокойно относились к патетическим речам старшего товарища. Но сейчас им обоим было очень грустно. Зевс-громовержец зримо сдал.

– Что же ты нас с днём рождения не поздравил? – имитируя обиду, спросил Стивен. – Мы ждали, ждали...

– У меня есть оправдание, – сказал Жоао. – Я так увлёкся чтением посмертно изданного сборника бесед с Воннегутом, что не общался ни с кем. Слушайте, сейчас я вам прочитаю фрагмент из его интервью журналу «Нейшн»: «Думаю, самое ужасное, или самое пугающее, или самое трагичное лицемерие, которое занимает центральное место в нашей жизни и о котором никто не хочет упоминать, состоит в том, что люди не любят жизнь... Полагаю, что, по крайней мере, половине всех живущих, а возможно, и девяти десятым из них, совсем не нравится это тяжёлое испытание. Они притворно делают вид, что вроде бы нравится немного, улыбаются незнакомцам и встают каждое утро, чтобы выживать, чтобы каким-то образом проскочить через это. Но для большинства людей жизнь – это ужасное испытание. Они с таким же успехом прекратили бы его в любой момент... Большинство людей не хотят жить».

– Наверное, это так, – сказал Дмитрий. – Но мы с вами любили жизнь...

– Очень важно вовремя уйти, – спешно перебил его Рапоза. – Когда я слышу, что вот, дескать, уже родился человек, который проживёт 150 лет, я задаюсь вопросом: «Для чего?». Природа отмерила нам другие сроки. 150 лет – это для черепах. Мы должны умирать раньше. Человек должен жить, а не существовать. По данным Всемирной организации здравоохранения (я их тут выписал), когда в 2050 году население Земли достигнет пика, два миллиарда из девяти будут страдать старческим маразмом. Ну разве это не абсурд?

Дмитрий вдруг подумал, а не торопят ли они, самоубийцы хреновы, неизбежное. Им ведь со Стивеном даже шестидесяти нет. Он посмотрел на ровесника. В своем далёком Бате тот внимал Жоао, согласно кивая головой над книгой, лежавшей на журнальном столике.

– Позвольте процитировать и мне кое-что, – донёсся его голос. – «Всему своё время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру».

– Бог мой, это же Екклесиаст! – удивился Дмитрий. – С каких пор ты штудируешь Библию?

– Не штудирую, а пролистываю. С тех пор, как пошёл наш финальный отсчёт. Когда я понял, что обратной дороги нет.

Только тут Дмитрий заметил, что Стивен в стельку пьян.

* * *

Вероятно, настала пора более подробно рассказать о моих героях.

Начнём с Жоао Рапозы. Он родился 7 ноября 1950 года, в день Октябрьской революции (Жоао по-русски – Иван), и долго не понимал, почему Октябрьская революция отмечается Советским Союзом в ноябре.

Высокий (под 190 см), сильный, решительный, Жоао в любой компании тут же становился лидером и объектом восхищения женщин.

Однако личная жизнь Рапозы была довольно странной. Со своей первой и единственной супругой Ракель, которая была старше его на девять лет, он прожил вплоть до её трагической смерти в 1997 году. А затем стал падок на малолеток. В компаниях с приятелями бразильца эти девушки всегда чувствовали себя неуютно и при первой возможности разбегались по гостиничным номерам, чтобы там, облачившись в нечто, с их точки зрения, эротичное, дожидаться неугомонного секс-льва.

Рапоза был верующим. Его религия являла собой некую смесь католицизма с язычеством. «Умбанда», – предположил как-то эрудированный Стивен. Но нет, вера Жоао, как и всё, с ним связанное, была исключительно индивидуальной. Изо дня в день он молился Деве Марии, а не Христу. И боялся состариться. У него была азтатемофобия.

Всемирную славу принёс Рапозе роман «Повелитель снов», опубликованный в 1996-м. К 2013 году эта притча, красивая, умная, хотя и перенасыщенная, по мнению Дмитрия и Стивена, витиеватыми аллегориями, была издана более чем в ста странах на семидесяти пяти языках.

По большому счёту, после «Повелителя снов» Жоао мог вообще ничего не писать. Мог сокрыться в уединении, как Сэлинджер после публикации повести «Над пропастью во ржи», и медитировать.

Но Рапоза работал как вол (или машина?). Год писал очередной роман, затем год ездил по странам и континентам, его рекламируя, встречаясь с читателями, а затем опять садился за лэптоп, всякий раз новый. И птицы с ударами не подводили.

Значительную часть времени Рапоза проводил в Европе. Купил древний, но крепкий каменный дом в Стране Басков, неподалёку от Сан-Себастьяна. У него была также вилла на канарском острове Фуэртевентура.

* * *

В семидесятые годы Дмитрий Франк, как и многие московские юноши, мечтал о карьере, предполагавшей работу за рубежом или, по крайней мере, частые поездки за границу. Он преуспевал по всем гуманитарным предметам, и это во многом предопределило выбор профессии – журналист-международник. Поступить на международное отделение факультета журналистики МГУ в 1977 году могли только мальчики, москвичи, по крайней мере, с двухлетним стажем пребывания в ВЛКСМ (комсомоле) и имевшие не менее десяти собственных публикаций. С четырнадцати лет он готовился к поступлению. В свободное от школы время писал репортажи для малотиражной газеты «За доблестный труд!» о подвигах столичных водителей автобусов, троллейбусов, трамваев и такси. Учил английский и читал, читал...

После окончания вуза – работа в могучем ТАСС, откуда он и был отправлен корреспондентом в Лондон. На конференции британских лейбористов в Блэкпуле (1988 год) они познакомились с Деверо. Интерес к «перестроечным советским журналистам» рос тогда на Западе с каждым днём, и Стивен, молодая «звезда» журнала «Экономист», узнав, что Дмитрий недавно приехал из Москвы, изводил его расспросами о Горбачёве, наличии продуктов в московских гастрономах и прочем, обещая взамен свести с влиятельными вестминстерскими законодателями.

Британский период жизни оказался очень важным для формирования мировоззрения Франка. До прибытия в Лондон он искренне верил, что, хотя в СССР было много глупого и непорядочного («Люди бывают умными, честными и партийными, но одновременно можно обладать только двумя из этих качеств», – гласила популярная поговорка), социализм советского разлива всё равно превосходит западные социально-экономические системы, но теперь был вынужден пересматривать то одно, то другое представление.

Происходило это постепенно, без конъюнктурных порывов. Дмитрий выгодно отличался от тех коллег, которые до путча августа 1991 года выступали со страстными речами на партсобраниях, обличая «звериные оскалы империализма», а после провала путча превратились в столь же пламенных «демократов». В самом начале девяностых он надеялся, хотя это и противоречило логике развития событий, что Советский Союз каким-то чудом, без катастроф, войн и разрушений может стать социал-демократией скандинавского типа, убеждал себя в этом. Но позже, насмотревшись всего и вся в «ельцинскую эру», поменял взгляды на монархистские. «Просвещённая монархия – вот что было бы идеально для России, – не раз в компаниях с близкими людьми говорил Франк. – Жаль, что историю не повернуть вспять».

Через год после «путча» Дмитрий возвратился в Москву, безболезненно распрощался с обескровленным ТАСС и перешёл на работу в боевое информационное агентство «Постфакс», где создавал сначала отдел международной информации, а затем и другие службы.

Новая работа принесла новую жену. Расставание с первой супругой было напряжённым (все-таки прожили вместе пятнадцать лет), но отношения с сыновьями, к счастью, удалось сохранить. Второй брак оказался гораздо короче.

Сколотив достаточный для безбедной жизни капитал, он, будучи к середине нулевых главой крупного информационного холдинга, принял решение вернуться к творчеству и быстро приобрёл известность в качестве колумниста сразу нескольких популярных изданий, причем

разной направленности. Его непременно читали, восторженно хвалили и злобно ругали: он был кошкой, гулявшей, как ей вздумается, высмеивал российские реалии, но не жаловал и всё более надменный, по мере нарастания своего нравственного вырождения, Запад. Искажение фактов по каким-либо идеологическим причинам было для него неприемлемым. Президенту Владимиру Путину Франк симпатизировал, но не идеализировал его: уж слишком широким был шлейф коррупции, сопровождавший процесс укрепления российской государственности...

* * *

Стивен Деверо родился и провёл свои первые годы в уютном английском городе Бат, расположенном примерно в 200 км к западу от Лондона и знаменитом древнеримскими банями. Единственный отпрыск зажиточной католической семьи, имевшей французские корни по линии отца, он получил образование сначала в Итоне, а потом в Кембридже, и был страстным поклонником Ричарда Докинза.

Становление бизнеса Деверо совпало с приходом к власти в Великобритании так называемых новых лейбористов во главе с Тони Блэром. Стивен активно помогал главному стратегу партии Питеру Мандельсону в реализации рекламных и маркетинговых программ последнего, и одно время даже ходили слухи (впрочем, неподтверждённые), что между ними существовала интимная связь.

Распространению этих слухов, безусловно, способствовало то, что вплоть до знакомства в 1998 году с Анной Арбор Стивен чурался женского общества, был крайне скован, беседуя с красивыми женщинами, и чрезмерно манерен и/или беспричинно эпатажен в обществе мужчин. В юности его не раз колотили за выпендрёж, хотя Деверо мог постоять за себя: спортивный и – в отличие от Дмитрия – худощавый, он был неплохим боксёром. Правда, пропустив мощный встречный удар, мог быстро капитулировать.

Один раз Рапоза с Франком стали свидетелями этого возле паба «Дартмут армз» на северо-западе Лондона. Приятели приехали туда поздно вечером по настоянию Дмитрия, ностальгировавшего по годам, прожитым в доме неподалёку, и... потеряли Стивена на входе в питейное заведение. Как вскоре выяснилось по крикам и шлепкам, доносившимся снаружи, тот решил проучить какого-то увальня, грубо толкнувшего его плечом. Легко подпрыгивая и умело перенося центр тяжести с ноги на ногу, Деверо наносил нахалу не столько сильные, сколько обидные безответные пощёчины до тех пор, пока тот вдруг, к собственному удивлению, не попал в цель, расквасив Деверо нос. Стивен сразу же обмяк, закрыл лицо руками и застыл, получая несфокусированные, но обильные и яростные удары по ушам и туловищу. Не желающий созерцать это Жоао (в молодости – звезда капоэйры), врезал пьяному драчуну ногой в челюсть, послав того в нокаут, а Дмитрий взял на себя двух приятелей задиры, также бросившихся в схватку. К счастью, соперники сумели достичь примирения до приезда полицейских – здравый смысл, как ни странно, возобладал, и, когда те явились, уже обменивались за стойкой паба «охотничьими рассказами». Это не предотвратило задержания, но способствовало освобождению.

Анна была вне себя от бешенства, увидев удалую тройцу. Побитый Деверо был впущен, точнее, брошен в темноту её трёхсотметровой квартиры неподалеку от Риджентс-парка, но вот перед Рапозой с Франком дверь захлопнулась.

– Как думаешь, что она сейчас с ним вытворяет? – задыхался от смеха Жоао, когда они с Дмитрием неслись в такси навстречу новым приключениям – в ночном Сохо.

– Превращает в Каландрино, наверное, – предположил Дмитрий, и безудержный хохот приятелей побудил мрачного таксиста окинуть их недоумевающим взглядом через перегородку.

Сравнение Стивена с Каландрино, персонажем из «Декамерона», было их любимой шуткой, причем подтрунивали они над Стивеном открыто, в присутствии Анны. В знаменитом

произведении Боккаччо незадачливого Каландрино разыгрывают друзья, убеждая при помощи сообщника-доктора, что тот забеременел. Поверив, бедняга с горечью обращается к жене: «Увы мне, Тесса, это ты со мной наделала, потому что желаешь не иначе быть, как сверху. Говорил я тебе это!» А потом жалуется: «Как рожу этого ребёнка? Каким путем он выйдет?... Будь я здоров, чего нет, я встал бы и так бы её поколотил, что всю бы изломал, хотя и мне поделом, не следовало мне никогда пускать её взбираться наверх. Поистине, если я спасусь на этот раз, она скорее умрёт от своего желания, чем...»

В отношениях между Арбор и Деверо Анна всегда была ведущей, Стивен – ведомым.

Добавлю, что у него также была парочка фобий – аэроакрофобия (боязнь открытых высоких мест) и сопровождающая её иллингфобия (головокружение при взгляде вниз).

* * *

Анна Арбор являла собой высокую рыжеволосую властную пышногрудую женщину с не просто зелёными, а прямо-таки изумрудными глазами, которые сразу же приковывали к себе. Она родилась и вплоть до окончания гуманитарного факультета Эдинбургского университета жила в столице Шотландии, где её родители олицетворяли местную знать. Отец разбогател в конце 70-х – начале 80-х на проворачивании каких-то операций, связанных с добычей нефти в Северном море, и Анна, единственная, весьма избалованная дочь, могла вообще не работать.

Да она по-настоящему и не работала. То живописью увлечётся, пишет картины в манере модного соотечественника Джека Веттриано. То вообразит себя новой Вивьен Вествуд и тратит огромные деньги на создание собственной коллекции одежды. То вдруг решает пойти по стопам Фрейда и в 29 лет, в год знакомства со Стивеном, получает диплом психолога. На средства отца была приобретена роскошная квартира в Лондоне, где Анна, участница всех мало-мальски значимых событий культурной жизни, стала проводить большую часть времени.

Ей очень понравилась случайно увиденная статья с фотографией Деверо в «Санди таймс» где тот, приводя остроумные примеры из жизни, доказывал необходимость того, чтобы в своей повседневной деятельности люди придавали большее значение особенностям работы человеческого мозга, отнюдь не всегда способного рационально функционировать. Анна набрала телефон компании Стивена, попросила о встрече, и уже на следующий день, к удивлению сотрудников агентства Simple Solutions, не только оказалась в кабинете их шефа, но и подозрительно надолго задержалась там. Вышли они вместе, и Стивен почему-то не хотел смотреть на секретаршу. Однако Анна посмотрела, и весьма решительно.

– Завтра мистера Деверо не будет, постарайтесь его не беспокоить, – сказала она.

Так Деверо потерял остатки девственности, если, конечно, они у него были.

Энное количество лет спустя в разговорах с Рапозой и Франком Анна с иронией объясняла своё сожительство со Стивеном его же бихевиористскими штучками: «Это мой вариант по умолчанию – *default option*. Как в ситуации длительного ожидания свободного столика в ресторане (пора уйти, но продолжаете стоять). Или как в случае найма слабого работника, от которого потом трудно избавиться, потому что сами его наняли. Перестань кукситься, Стивен! Ты же знаешь, я не брошу тебя на произвол судьбы».

Жёсткие, плохо поддающиеся укладке рыжие волосы Анны вкупе с изумрудными глазами придавали ей некую демоничность, вызывая у Дмитрия ассоциации с Геллой из романа Булгакова «Мастер и Маргарита».

«Рыжий ген» – редкий. Ученые считают, что во всем мире рыжие исчезнут к 2060 году. Но почему-то именно в Шотландии рыжих рекордное число – 14 процентов населения. Рыжеволосые женщины чувствительнее к жаре и холоду, чем блондинки, шатенки или брюнетки. Они также предрасположены к раку кожи. Возможно, если бы Анна знала об этом, она никогда бы не пролежала весь день на одном из барселонских пляжей в самое августовское пекло,

без каких-либо кремов и мазей, желая заживо сгореть. И Дмитрий, а не Стивен был причиной этого.

* * *

Есть историко-философская теория, что XX век начался в 1914 году Первой мировой войной и завершился с исчезновением СССР в 1991-м. Иными словами, продолжался не сто лет, а семьдесят семь. А вот предыдущий – XIX – был, наоборот, почти на пятьдесят лет длиннее: стартовал Великой французской революцией в 1789-м.

Что же касается следующего исторического этапа, то, по версии Франка, с которой категорически не соглашался Деверо, его можно было бы назвать «Междувечье» и уместить в двенадцать лет – с 1991-го по 2003-й или даже обрезать в сентябре 2001 года. Этот период Дмитрий не без усмешки называл в честь американского политолога Фрэнсиса Фукиама «концом истории». Но подразумевал в отличие от последнего не триумф либеральной демократии западного образца, а её закат вслед за коммунистической идеологией. С 11 сентября 2001-го, терактов в США, – постепенное наступление «эпохи беспредела», исчезновение международного права, нравственных ориентиров, универсально признаваемых критериев добра и зла, вполне вероятно, предшествующее завершению человеческой истории вообще. С 20 марта 2003-го – формальное начало новой эры, зафиксированное бомбёжками Ирака.

Но в 1998 году на Всемирном экономическом форуме в Давосе всё ещё не выглядело столь печально. Премьер-министр России Виктор Черномырдин выступил с докладом «Россия на пороге XXI века», и доклад этот был радужным, хотя до дефолта страны оставалось всего лишь полгода. В ходе одной из дискуссий, посвящённых приватизации в России, произошло столкновение озлобленного Бориса Березовского с угрюмым Джорджем Соросом. Березовский, пребывая в гневе от проигрыша другому российскому олигарху – Владимиру Потанину – и поддержавшему того Соросу на аукционе по продаже блокирующего пакета компании «Связьинвест», упрекал миллиардера в презрительном отношении к российскому рынку. Сорос поначалу пытался давать отпор пассионарию, а затем плюнул и ушел.

Дмитрия не особо привлекали давосские тусовки и разнообразные ухарства баблом российских участников. Куда лучше сверкающий на солнце снег! Хотя, как и герой «Волшебной горы» Томаса Манна Ганс Касторп, Франк, вдыхая давосский воздух, констатировал, что «в нём не хватало ароматов, содержания, влаги, он легко входил в лёгкие и ничего не говорил душе». Дмитрий посетил несколько официальных дискуссий форума – велеречивых, но малосодержательных, на второй день съездил прогуляться в Лихтенштейн, вернулся и опять выслушивал пафосные пророчества самовлюблённых оракулов (ничего потом не сбылось). Но к вечеру Франку повезло: он вдруг заметил книжную экспозицию, в центре которой стоял высокий обаятельно улыбавшийся человек и старательно раздавал автографы. Толпа вокруг него постепенно уплотнялась. «Жоао Рапоза! – услышал Дмитрий чей-то восторженный шёпот, – автор “Повелителя снов”!»

Ни фамилия этого, как выяснилось, бразильского писателя, ни название произведения не были ему известны. Но, заинтригованный, Франк решил купить одну из книг в переводе на английский и отправился в гостиницу, приобретя по дороге бутылку вина.

Настроен Дмитрий был скептически. Он не любил псевдомногозначительные тексты и заголовки. К тому же всё более популярный благодаря Голливуду жанр фэнтези, к которому, видимо, принадлежала книга, вызывал стойкую неприязнь. Но «Повелитель снов» оказался стильной притчей, изобиловавшей тонкими наблюдениями и небанальными рассуждениями. Несмотря на довольно внушительный объём книги, страницы листались стремительно: бразилец, несомненно, был весьма одарённым человеком. В тот день из гостиницы Дмитрий больше

не выходил. Заказал ужин в номер и наслаждался открытием неизвестного ему прежде таланта. К утру он одолел все 470 страниц и лёг спать, а вечером отправился на поиски Рапозы.

Он нашёл его в компании высокопоставленных сотрудников Всемирного банка, которые шутивно призывали Жоао выступить в их вашингтонской штаб-квартире с лекцией на тему «Чего за деньги купить нельзя». Франк разорвал их круг, выразил Рапозе восхищение прочитанным, протянул визитную карточку с дописанным от руки номером мобильного телефона и по-английски сказал: «В Москве вас не особо знают. Готов содействовать раскрутке». – «Кярашо, товаришт! – почти сразу же согласился бразилец. И неожиданно добавил: Бля буду».

Так они и познакомились.

Позднее Франк узнал, что неприличному русскому выражению, ещё до развала СССР, Жоао научил какой-то боцман, который после лихого загула в Рио-де-Жанейро потерял все документы, деньги и пару дней жил за счёт писателя, подбравшего его в одном из кафе на Копакабана. Клятву боцмана, не без протестов увезённого позже куда-то сотрудниками советского консульства, Рапоза запомнил потому, что тот всё повторял да повторял её при прощании с бразильцем – обещал обязательно воздать за гостеприимство сторицей. Но исчез навсегда.

* * *

Стивен сблизился с Жоао двумя годами позже. Его компанию наняла бессменный литературный агент Рапозы и, наверное, самое доверенное лицо – Вероника Родригес, перебравшаяся из Рио-де-Жанейро в Сан-Себастьян. Наняла для придания как можно большего паблисити новому произведению бразильца – роману «Моника желает замуж». В США и Великобритании книги Жоао продавались не столь успешно, как на других рынках, и Вероника задалась целью это положение дел изменить.

– Я был поражён, – рассказывал потом Стивен Дмитрию, – каким незаурядным психологом оказался Рапоза. Когда в одной из первых бесед я упомянул, что на смысл слов оратора приходится лишь семь процентов общего впечатления, им производимого, а остальное – внешний вид, манера держаться, тембр голоса и так далее, Жоао кивнул и сказал: «Мне это известно, я всегда это учитываю. Иначе бы уже давно опостылевшую бороду сбрил». Он был осведомлён и о «гало-эффекте» – влиянии общего впечатления о человеке на восприятие и воспроизведение из памяти его отдельных характеристик. «Увы, элемент случайного очень велик, – написал он мне однажды. – Нравится нам это или не нравится, но первое впечатление здорово влияет на последующее отношение к тому или иному персонажу. Порой я с тревогой думаю о том, что в политике гало-эффект ведет к избранию на высшие посты людей некомпетентных, но излучающих властность, оптимизм, уверенность. Подтянутых, но вовсе не семи пядей во лбу. Всё больше Шварценеггеров, всё меньше Черчиллей».

В том, что презентация книги «Моника желает замуж» пройдёт успешно, Деверо не сомневался. Мероприятие состояло из двух частей: сначала встреча с рядовыми читателями, победившими в конкурсе на знание произведений Рапозы, в магазине «Уотерстоунз» на Пикадилли-стрит (аж на двух этажах протекало действие), затем – вечерний приём в гостинице «Дорчестер» для тщательно отобранной «элиты». Везде – прикормленная пресса, причём Стивен до деталей расписал, кто где будет (например, никаких телекамер в отеле, но парочка – перед входом), заранее договорился об эксклюзивах. «Лондонскому книжному обозрению» было обещано интервью о современном состоянии latinoамериканской литературы, «Дейли мейл» – о женщинах в жизни Жоао, журналу «Нью стейтсмен» – о том, наступил или нет, по мнению Рапозы, «конец истории».

На всякий случай Стивен продолжал пичкать бразильца мудрыми советами:

– Не надо резко поправлять журналистов, если говорят не по делу: это ранит эго. Выслушай дураков, создай впечатление, будто разделяешь их воззрения, а затем мягко поправь.

Перефразируй мысли собеседника в собственной речи: это нравится всем без исключения, обретёшь друзей. Кивай, когда говоришь, а не только, когда слушаешь: это подталкивает собеседника к тому, чтобы он согласился с твоими словами.

– Разве это не они должны кивать? – смеялся Рапоза. – Разве не они должны мечтать о том, чтобы понравиться «живому классику»?

Но внимал советам Деверо.

* * *

Особенно его увлекло повествование Стивена об «эффекте полного провала».

– Перфекционисты раздражают, – объяснял Деверо. – Если человек хоть немного симпатичен собеседнику, то допускаемые им оплошности (пролил на себя кофе, поскользнулся на ровном месте и прочее), эту симпатию будут усиливать. Если вы очень нравитесь, можно открыто признавать неудачи и в более существенном. Подражаться можно на глазах у всех. Любят ещё больше. Народ обожает, когда выдающиеся люди допускают ошибки или делают нечто, выходящее за рамки общепринятых норм поведения, и готов их прощать. Более того, любовь к недотёпам или эксцентрикам возрастает. Джону Кеннеди простили даже провал операции в кубинском заливе Свиней. А наибольшее расположение вызывает кажущееся органичным одновременное наличие у человека вроде бы несовместимых качеств – силы и уязвимости, простодушия и опыта, своеобразия и типичности.

– Полагаю, ты прав, – задумчиво произнёс Рапоза. – У Карла Крауса, австрийского сатирика начала XX века, есть точный афоризм о женском очаровании: «Для полного совершенства ей не хватало какого-нибудь недостатка».

Стивен подавил желание ухмыльнуться. К тому времени Деверо, неоднократно съездивший в Сан-Себастьян и встречавшийся с Рапозой в Мадриде, уже свыкся с тем, что вокруг Жоао постоянно крутятся туповатые девушки-тинейджеры, безвкусно одетые и смеющиеся невпопад. Формально их объединяла любовь к творчеству Рапозы, однако поведение поклонниц не оставляло сомнений в том, что Рапоза-«звезда» им интересен гораздо больше, чем Рапоза-писатель. Анна, чья эффектная внешность поначалу, казалось, не произвела на классика никакого впечатления, откровенно недоумевала по поводу пристрастий бразильца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.